

© 2018 г.

Ю.А. БОРИСЁНОК, А.Е. КУЗЬМИЧЕВА

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШИ ЮЗЕФ БЕК

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна — преподаватель исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Дипломированный полковник артиллерии Юзеф Бек (1894—1944), возглавлявший в 1932—1939 гг. министерство иностранных дел Польши, был одной из ключевых фигур предыстории Второй мировой войны. Бек после смерти 12 мая 1935 г. маршала Ю. Пилсудского вплоть до сентября 1939 г. фактически единолично вершил международные дела страны, получив прозвище «диктатора внешней политики». Дискуссии историков и публицистов о вкладе Бека в польскую и европейскую политику продолжаются до сих пор.

СЫН ЮРИСТА

При всей важности личности Юзефа Бека для польской истории, его «полная, документированная источниками, биография... еще не появилась», — отмечал в 2015 г. польский историк П. Самусь¹. После вышедшего в 1985 г. жизнеописания политика, написанного О. Терлецким в жанре исторической эссеистики, польская историография обогатилась лишь некоторыми монографиями и статьями, освещающими отдельные периоды жизни и деятельности Бека².

Ситуация для современной польской историографии выглядит парадоксально: книги, так или иначе затрагивающие влияние Бека на внешнюю политику Польши, исчисляются десятками, в архивах многих стран мира обнаружены документы, проливающие свет на его работу во главе польского министерства иностранных дел (МИД), а его основательная биография все еще не написана. Причина заключается в том, что такое исследование будет способно разрушить идейные основания «нравственного капитала» из исторического опыта межвоенной II Речи Посполитой, которым, на взгляд польского историка М. Корната, и сегодня может пользоваться польская нация³.

В отечественной традиции еще со времен советской печати 1920—1930-х годов сложился негативный образ Бека и польской внешней политики под его руководством. Персонифицированный анализ дипломатических усилий Польши российскими

¹ *Samuś P.* Minister Józef Beck. Dom rodzinny i lata młodości. Łódź, 2015, s. 9.

² *Terlecki O.* Pułkownik Beck. Kraków, 1985; *Nowakowski J. M.* Józef Beck (2 XI 1932 r. — 30 IX 1939 r.). — *Ministrowie spraw zagranicznych II Rzeczypospolitej*. Szczecin, 1992; *Wołos M.* Służba Józefa Becka w Legionach Polskich w latach 1914—1917. — *Ku Niepodległości. Ścieżki polskie i francuskie 1795—1918*. Lublin, 2005; *Kornat M.* Józef Beck — zarys biografii politycznej (1894—1932). — *Niepodległość*, t. LV, 2005; *idem.* Polityka zagraniczna Polski 1938—1939. Cztery decyzje Józefa Becka. Gdańsk, 2012; *Cieniela A. M.* Józef Beck — szkic biograficzno-polityczny. — *Beck J.* Wspomnienia o polskiej polityce zagranicznej 1926—1939. Warszawa, 2015; *Pietrzak J.* Beck Józef. — *Leksykon piśmudczykowski*, t. I. Słownik biograficzny A-Ł. Gdańsk, 2015.

³ *Kornat M.* Polska polityka zagraniczna 1932—1939. — *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 2009, № 12, s. 46.

историками предпринимался редко⁴, имеющиеся же в литературе характеристики требуют уточнения, исходя из информации, ставшей известной историкам в последние годы.

Юзеф Бек родился 4 октября 1894 г. в Варшаве. По семейному преданию, его предок, фламандский моряк, в XVI в. во времена короля Речи Посполитой Стефана Батория оказался в Польше. От предка осталась только фамилия «Веck», которую отец министра, Юзеф Алоизий Бек (1867–1931) юрист и деятель рабочего движения, полонизовал, подписываясь «Веk», но будущий министр во время учебы в высшей реальной школе в Кракове вернул недостающую латинскую букву «с» в свою фамилию.

Решение преуспевающего варшавского юриста Юзефа Алоизия Бека стать революционером и его искреннее, продлившееся до конца жизни увлечение социалистическими идеями, причем в их крайнем варианте, с симпатиями к пограничному с анархизмом «безгосударственному социализму» в духе польского мыслителя Э. Абрамовского, вынудило Бека-старшего резко изменить свою судьбу. Юзеф Алоизий, один из лидеров Союза польских рабочих, в ноябре 1891 г. был вместе с будущим советским деятелем Ю. Мархлевским арестован по доносу провокатора. Тюремные университеты Бека включали в себя Х павильон варшавской цитадели и петербургские «Кресты». После двухлетнего заключения последовала трехлетняя ссылка в Ригу, которую Юзеф Алоизий отбывал в обществе супруги Брониславы Филипины, в девичестве Лучковской, и младенца Юзефа.

Заниматься юридической практикой в Варшаве бывшему ссыльному было запрещено. В конце XIX в. семья Беков переехала в польскую часть Австро-Венгрии и транзитом через Львов осела в небольшом городке Лиманова. Дом Юзефа Алоизия на ул. Солнечной часто использовался социалистами из «русской Польши» в качестве конспиративной квартиры, легальная же его деятельность в Лиманове сосредоточилась на вопросах местного самоуправления и развитии садоводства⁵.

В Варшаву Бек-старший вернулся уже после обретения Польшей независимости и в 1919–1920 гг. занимал пост заместителя министра внутренних дел. В политике он долго не задержался, оставшись неисправимым идеалистом, вынашивавшим нереальные в условиях II Речи Посполитой проекты развития самоуправления на местах.

Бек-младший в 1912 г. окончил краковскую реальную школу и до начала Первой мировой войны пытался получить образование на машиностроительном факультете политехнического института во Львове, а затем в академии внешней торговли в Вене.

АРТИЛЛЕРИСТ И ОТРАВИТЕЛЬ

На последующие карьерные перспективы повлиял всего один ставший судьбоносным эпизод из жизни 18-летнего юноши. В 1913 г. Юзеф Бек гостил у дяди в Закопане и там познакомился с ровесником своего отца Юзефом Пилсудским. Будущий маршал запомнил способного молодого человека, к которому он впоследствии питал самые теплые чувства. У Пилсудского с началом Первой мировой были особые политические расчеты на поколение 1890-х годов рождения, практически не связанное с тремя разделившими Польшу империями и способное по этой причине строить новую независимую государственность с чистого листа, без традиций и комплексов старого времени.

Скорее всего, в многолетней тесной связке Пилсудский–Бек были и личные мотивы: у маршала так и не родился собственный сын, а исполнительный и смелый отпрыск известного ему социалиста вызывал у него почти отцовские эмоции. Адьютант Пилсудского М. Лепецкий вспоминал: «Полковник Бек помимо семьи был ему (Пилсудскому. — Ю.Б., А.К.), пожалуй, самым близким человеком... С течением лет все больше людей отпало от визитов к маршалу, оставшимся все труднее удавалось

⁴ Гришин Я. Я. Диктатор внешней политики. Казань, 2001.

⁵ Andrzej Beck nie żyje. — <http://limanowa.in/wydarzenia/news,4845.html>

добиться желанных бесед, лишь для Бека ничего не менялось. И даже напротив, все чаще в словах маршала проскальзывала необычная для него нота нежности, адресованная “любимому Беку”»⁶.

Попав под обаяние Пилсудского, Юзеф в августе 1914 г. отправился служить в польские легионы, воевавшие с Россией на стороне Австро-Венгрии. Его карьера артиллериста началась именно тогда, причем с рядовых солдатских должностей. В день своего 20-летия Бек был повышен в должности до наводчика в 1-м взводе 1-й батареи 1-го полка I-й бригады. В марте 1916 г. он дослужился до подпоручика артиллерии, а в июле того же года в кровопролитной для поляков битве под Костюхновкой на Волыни во время Брусилковского прорыва получил ранение в голову. В тех боях погибло более 2000 польских легионеров; рослый молодой офицер едва не разделил их судьбу.

С июля 1917 г. интерес к военным подвигам во имя Центральных держав у командира батареи поручика Бека пропал. Он отказался присягать германскому кайзеру Вильгельму II, после чего как подданный монархии Габсбургов был направлен в распоряжение австро-венгерской армии — сначала в артиллерийскую школу в Пожонь (ныне Братислава), а затем в венгерский корпус в Шопрон. Оттуда Бек дезертировал и направился во Львов, где в политехническом институте, в котором он ранее отучился год, получил справку о необходимости остаться в городе якобы с целью сдачи экзаменов. Документ подписал добрый знакомый семьи, профессор начертательной геометрии К. Бартель, ставший после майского переворота Пилсудского в 1926 г. премьер-министром Польши⁷.

С этого момента дела увядающей Австро-Венгрии занимают его гораздо меньше, чем всероссийская смута. В 1918 г. по линии конспиративной Польской военной организации Бек находился на Украине в 3-м польском корпусе, затем объявился в Орле, в Москве, Одессе и Проскурове (ныне Хмельницкий). Столь свободное передвижение по России под псевдонимом Галицкий (Юзеф скрывался под фамилией бабушки со стороны матери) позволяет предположить, что русским языком будущий польский министр неплохо овладел еще в детские годы.

В ноябре 1918 г. в Люблине 24-летний офицер поступил на службу в формирующуюся польскую армию, в части, которые организовывал будущий маршал Э. Рыдз-Смиглы. В декабре 1918 г. ему пришлось участвовать в польско-украинской войне, потом во взятии Вильно поляками, но уже в 1919 г. Пилсудский, ставший временным начальником государства, поручил Беку первую акцию, связанную с дипломатией. Бека отправили в Румынию с военной миссией, призванной обеспечить пропуск через Бессарабию польских формирований Л. Желиговского — этому польскому генералу в октябре 1920 г. предстояло произвести для Пилсудского заистку Вильно от литовцев и создать для достижения этой цели квазигосударство Срединная Литва⁸.

За Румынией последовала Венгрия: в 1920 г. Бек в качестве личного представителя Пилсудского ездил в Будапешт на встречу с пришедшим к власти адмиралом М. Хорти.

В 1920 г. протеже начальника государства в чине майора стал одним из руководителей формирующихся польских спецслужб. В этом качестве Бека заметила и советская сторона. Бек, по словам историка С. Кальбарчика, «вынужден был спасаться бегством в Москву от грозящего ему со стороны Чека ареста»⁹. В хранящейся в Архиве внешней политики РФ подробной справке «Жизнь и карьера полковника Иосифа Бека» (1937 г.) читаем: «Период фронтовой службы Бека длился недолго. В 1920 г. он уже работает в генеральном штабе, в частности в его II-ом отделении (контрраз-

⁶ *Lepecki M.* Pamiętnik adiutanta Marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1987, s. 141.

⁷ *Terlecki O.* Op. cit., s. 14.

⁸ *Fabisz D.* Generał Lucjan Żeligowski (1865–1947). Działalność wojskowa i polityczna. Warszawa, 2007; *Pamiętniki generała broni Lucjana Żeligowskiego.* Warszawa, 2014.

⁹ *Kalbarczyk S.* Twarz zwrócony ku Polsce. Józef Beck (1894–1944). — *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 2009, № 12, s. 87.

ведка). На этом посту его имя стало широко известно трудящимся массам советской страны в связи с тем, что он снабжал бандитскую организацию Савинкова ядом, который должен был быть использован для террористических целей на советской территории»¹⁰.

Советские трудящиеся узнали о существовании польского разведчика-отравителя из обширной публикации «Известий» от 24 июля 1921 г., излагавшей доклад ВЧК «О раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против советской власти в период мая — июня 1921 г.». Одна из главных советских газет обвиняла Бека в активном участии в «заговоре Савинкова» с центром в Гомеле и ячейках на территории Гомельской, Смоленской и Минской губерний: «Члену Западного областного комитета и члену Гомельского губернского комитета савинковской организации, ездившим к Савинкову по делам организации в Варшаву, 2-й отдел польского генштаба за подписью майора генштаба Бека выдал документ на право провоза в Советскую Россию “для целей разведывательных” по 2 килограмма яду. В действительности этот яд предназначался Савинковым для одновременного отравления надежных частей Красной Армии накануне выступления»¹¹.

Возможно, что обнародование этих обвинений, повлекшее за собой основательный «разбор полетов» в высших эшелонах варшавской власти¹², ускорило переход любимца Пилсудского на пост военного атташе во Франции — должность, тесно связанную с работой спецслужб, но не предполагавшую раздачу отравляющих веществ килограммами.

НЕЖЕЛАННЫЙ АТТАШЕ

В январе 1922 г. военный атташе Польши 27-летний капитан Бек прибыл в Париж, но новое назначение принесло ему не только положительные эмоции. Причины взаимной неприязни Бека и французских политиков, сказавшиеся впоследствии на внешней политике Польши в 1930-е годы, неоднократно привлекали внимание историков¹³. Как правило, исследователи опираются на мнение Л. Ноэля, посла Франции в Польше в 1935—1940 гг.: «Отношение Бека к Франции было странным; в этой связи не стоит удивляться тому, что до определенной степени это относилось скорее к личным, чем политическим мотивам»¹⁴.

Франция во время пребывания Бека в Париже была основным союзником Польши из числа великих держав. Это был период оформления польско-французского союза. На польского военного атташе возлагались ответственные задачи, связанные с наполнением конкретным содержанием польско-французской военной конвенции 1921 г., в равной мере направленной как против веймарской Германии, так и против Советской России¹⁵.

Работать в столице Франции Беку пришлось в изначально неблагоприятной атмосфере. Историк П. Вандыч на основе польских и французских материалов доказал, что официальный Париж был настроен по отношению к Беку негативно еще до его

¹⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ), ф. 122 (референтура по Польше), оп. 19, п. 59, д. 12, л. 82.

¹¹ Известия, 24.VII.1921; *Зданович А. А.* Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК — НКВД. 1918—1938. М., 2017, с. 246—254.

¹² *Симонова Т. М.* Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919—1925 гг.). М., 2013, с. 192.

¹³ *Buthak H.* Polska-Francja z dziejów sojuszu 1922—1939. Cz. I. 1922—1932. Warszawa, 1995, s. 98, 150; *Lewandowski J.* Prehistoria paryskich perypetii Becka. — *Zeszyty Historyczne*, 1973, t. 24; *Wołos M.* Dossier Józefa Becka: jeszcze raz o przyczynach antagonizmu: pułkownik Beck-Francja. — *Czasy Nowożytne: periodyk poświęcony dziejom polskim i powszechnym od XV do XX wieku*, 2002, t. 13.

¹⁴ *Noël L.* Agresja niemiecka na Polskę. Warszawa, 1966, s. 89.

¹⁵ *Кузьмичева А. Е.* «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек. — Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки, 2017, № 1, с. 17.

появления на посту военного атташе. Многочисленные депеши французского министерства иностранных дел подтверждают, что французы были решительными противниками назначения Бека военным представителем¹⁶. В течение осени 1921 г. Париж просил Варшаву подыскать другую кандидатуру на этот пост.

Любопытно, что Ноэль осенью 1949 г. в беседе с послом Польши во Франции Е. Путраментом ссылаясь на якобы сгоревшее в сентябре 1939 г. досье Бека, которое имелось в распоряжении французского посольства в Варшаве. В досье говорилось, в частности, о том, что в первый раз Париж отказал выдать Беку агреман¹⁷.

У французской стороны имелись свои аргументы, связанные с деятельностью Бека в польских спецслужбах. Одним из противников назначения Бека был генерал А. Ниссель, в 1920 г. входивший в состав французской военной миссии в Варшаве. 6 ноября 1921 г. он направил военному министру Франции Л. Барту письмо, в котором Бек характеризовался как один из самых активных апологетов политики враждебности в отношении французского влияния в Польше. Из-за Бека, по мнению Нисселя, агенты французской разведки подвергались аресту и конфискации документов и даже иногда денег. Ниссель настаивал на том, что он категорически против присутствия Бека в Париже, которое он считал опасным для Франции и дающим Беку возможность вступить в контакт с немецкой разведкой. Но просьбы Парижа остались без последствий: назначение являлось личным желанием маршала Пилсудского. 29 ноября 1921 г. Барту написал в МИД Франции: «Несмотря на то, что в целом мое мнение осталось неизменным, по политическим соображениям я принимаю назначение Бека»¹⁸.

Поначалу, несмотря на неблагоприятные прогнозы, молодой польский военный дипломат был внешне хорошо принят в правящих кругах. Но вскоре оказалось, что официальный Париж Беку не доверял. Барту, по воспоминаниям Ноэля, подчеркивал, что ни один важный документ не должен был оказаться в пределах досягаемости Бека¹⁹.

Естественно, что сам военный атташе чувствовал себя неловко в атмосфере, наполненной подозрением. Тем более, что реакция французской общественности была крайне агрессивной. Влиятельная парижская газета «Лэр Нувель», орган левых, вела агрессивную кампанию против Бека с целью дискредитировать его в глазах общественного мнения Франции и осложнить его пребывание в Париже. В статье, имевшей многозначительное название «Нежеланный», анонимный автор писал: «Люди утверждают, что новый атташе — бывший австрийский офицер, в течение всей войны служивший на вражеской стороне, всегда выделял себя как выдающегося франкофоба и страстного поклонника своих друзей в Берлине». Газетчики утверждали, что «слишком умный солдат» Бек сделал все от него возможное для борьбы с французским влиянием и, «по слухам», скомпрометировал себя попыткой купить секретный военный код французского Генерального штаба²⁰.

Неблагоприятно сказался на имидже Бека визит французского маршала Ф. Фоша в Варшаву в 1923 г. В этой поездке его по должности сопровождал Бек. В справке НКВД СССР о Беке подчеркивалось, что между Пилсудским и Фошем произошел серьезный конфликт, связанный с направленностью польско-французского союза: «В ответ на обращение Фоша, потребовавшего, чтобы его ознакомили с оперативными планами польского штаба на случай войны, Пилсудский смог предоставить ему только план наступления польских войск на СССР. Возможность же выполнения Польшей ее союзных обязательств перед Францией в случае войны с Германией польским Генштабом, как оказалось, вовсе не принималась в расчет. Во всех переговорах активное

¹⁶ Wandycz P. Colonel Beck and the French: Roots of Animosity? — The International History Review, v. III, № 1, 1981, p. 117–120.

¹⁷ Wołos M. Op. cit., s. 216.

¹⁸ Wandycz P. Op. cit., s. 119.

¹⁹ Wołos M. Op. cit., s. 215.

²⁰ Wandycz P. Op. cit., s. 124.

участие принимал Бек, энергично отстаивая антисоветскую и прогерманскую позицию варшавского генштаба»²¹.

Важно отметить, что стереотипное восприятие Бека как прогерманского политика было инициировано западной, прежде всего французской, прессой и через нее отложилось в советском восприятии. Вряд ли на самом деле ставленник Пилсудского в первой половине 1920-х годов, не говоря уже о первом маршале Польши, был таким уж горячим поклонником слабой Веймарской республики. Однако это мнение прочно закрепилось в 1930-е годы: «Бек оказался самым ярким представителем тех кругов польской военщины, которые старались направить острие польско-французского союза против СССР. Уже тогда обнаружилось далеко идущее германофильство Бека»²².

Бек, получивший по ходу парижской службы звание майора, занимал должность военного атташе без малого два года. За это время его отношения с французским Генеральным штабом накалились до предела. Вокруг молодого поляка стали возникать разнообразные слухи — от несколько экзотичной в вольном нравами Париже версии о «необычном сексуальном аппетите» его супруги Марии Виктории до рассказов о его беспробудном пьянстве: «Бек во время своей службы атташе однажды допился до того, что полиция привезла его и уложила на диван в коридоре французского министерства иностранных дел»²³. Неприятнее всего были россияне о шпионстве Бека, которые можно встретить и в работах западных историков²⁴.

По информации советских дипломатов, «французский штаб получил совершенно достоверную информацию, что сведения о французских вооруженных силах, сообщавшиеся Беку, как представителю союзной польской армии, стали известны штабу рейхсвера. По данным французского штаба не подлежало сомнению, что эти сведения “позаимствованы” немцами от Бека. Бека попросили срочно убраться из Парижа. При его отъезде не были даже соблюдены обычные формы международной вежливости»²⁵.

По другим сведениям, распространяемым близкой Барту журналисткой Ж. Табуи, польский атташе оказался шпионом Б. Муссолини. Резкий критик деятельности Бека, политик и публицист С. Цат-Мацкевич писал: «Французы распускали слухи о том, что Бек, будучи военным атташе Польши в Париже, участвовал в шпионской афере в пользу Италии. Французская разведка якобы подсунула ему какую-то фальшивую информацию, в результате чего генерал Сикорский отозвал Бека из Парижа»²⁶.

Отъезд Бека из Парижа ускорили не слухи, а временный уход из большой политики в июле 1923 г. его покровителя Пилсудского. Оказавшись у власти, ярые противники маршала избавились и от его протекции: отозвала майора из Франции именно польская сторона. Это случилось в ноябре 1923 г. по распоряжению не В. Сикорского, а военного министра генерала С. Шептицкого²⁷.

Повлияли ли парижские события на последующее отношение Бека к Франции? Ведь настоящие причины сложностей в отношениях Парижа и Варшавы коренились намного глубже и были вызваны, прежде всего, тем, что французы не видели в поляках равного партнера. Однако нельзя отбрасывать и личностный фактор. В начале 1935 г. Ж. Ларош, посол Франции в Польше, в беседе с полпредом СССР в Польше Я. Х. Давтяном отметил, что «значительную нотку раздражения против Франции вносит специально сам Бек, который до сих пор не может забыть свою личную

²¹ АВП РФ, ф. 122, оп. 19, п. 59, д. 12, л. 83.

²² Там же, л. 82.

²³ Мацкевич С. Политика Бека. М., 2010, с. 98.

²⁴ Roberts H. L. The Diplomacy of Colonel Beck. — The Diplomats, 1919–1939. Princeton, 1953; Watt R. M. Gorzka chwala. Polska i jej los 1918–1939. Warszawa, 2005.

²⁵ АВП РФ, ф. 122, оп. 19, п. 59, л. 12, л. 83.

²⁶ Мацкевич С. Указ. соч., с. 98.

²⁷ Kalbarczyk S. Op. cit., s. 88.

неприятность. Пилсудский не вникает детально во все вопросы, а Бек ему не докладывает так, как нужно»²⁸.

В итоге в бытность Бека польским министром иностранных дел французы вели с ним дела лишь в силу необходимости, а после смерти Пилсудского в мае 1935 г. французское посольство в Варшаве в лице Ноэля стало активно вынашивать планы по отрешению главы польской дипломатии от должности.

РЯДОМ С ПИЛСУДСКИМ

В 1924 г. по прибытии из Парижа майор Бек был отправлен в отставку и какое-то время служил бухгалтером в «Виленском банке». Похоже, если бы будущий глава внешней политики Польши так и работал бы по специальности (он учился в академии внешней торговли), судьбы мира в конце 1930-х годов могли бы сложиться иначе. Но в ноябре 1924 г. Бек вернулся на действительную службу в армию и стал слушателем годичных курсов повышения квалификации в Высшей военной школе в Варшаве.

В чине подполковника Бек активно участвовал в подготовке и осуществлении государственного переворота, обеспечившего Пилсудскому диктаторскую власть. В дни смены власти 12–14 мая 1926 г. он очень серьезно рисковал, став начальником штаба взбунтовавшихся против действующей власти войск, которыми командовал генерал Г. Орлич-Дрешер²⁹. Если бы попытка мятежа провалилась, карьера молодого офицера закончилась бы с клеймом государственного преступника. Но уже 15 мая 1926 г. Бек сопровождал маршала польского сейма М. Ратая, который в качестве переговорщика принимал отставку прежних властей — президента С. Войцеховского и премьер-министра В. Витоса.

С установлением в Польше режима санации 31-летний Бек стал одним из ближайших и перспективных сотрудников Пилсудского. В отличие от других близких соратников диктатора, он сознательно избавлял своего любимца от хлопотных должностей в области внутренней политики и назначал его на посты, связанные с двумя сферами ответственности лично Пилсудского — армией и внешней политикой. В 1926–1930 гг. Бек руководил кабинетом Пилсудского как военного министра, выполняя незаметную широкой публике, но очень важную функцию ближайшего помощника маршала.

В исторических трудах и мемуарах часто говорится о недостатках Бека. При этом невольно складывается стереотип «выскочки» и даже «тупого исполнителя», незаслуженно вознесенного на вершины власти благодаря странному выбору Пилсудского. Но справедливости ради отметим достоинства молодого польского политика, которые в 1937 г. были указаны в справке НКВД СССР: «Бек оказался идеальным помощником диктатора. Способный и трудолюбивый, молчаливый, сдержанный и одновременно исполнительный, преторианец в полном смысле этого слова»³⁰.

В условиях авторитарного правления такие люди, как Бек, имели возможность серьезно возвыситься. Теми же качествами в советских условиях обладал почти ровесник Бека нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Оба политика ближе к концу карьеры утратили молчаливость и сдержанность. Даже восхваления в их адрес во время недолгого для обоих «культа личности» похожи. Так и не дошедшая до печати биография Ежова пера писателя А. А. Фадеева выдержана в том же стиле, что и увидевшая свет в 1939 г. панегирическая книга близкого Беку польского журналиста К. Вжоса, переведенная на английский и итальянский языки³¹.

²⁸ АВП РФ, ф. 05, оп. 15, п. 109, д. 68, л. 19.

²⁹ *Olstowski P.* Generał Gustaw Orlicz-Dreszer. Toruń, 2000.

³⁰ АВП РФ, ф. 122, оп. 19, п. 59, л. 12, л. 84.

³¹ *Борисенко Ю., Шишков А.* Ежовские рукавицы. Старший писарь Николай Ежов жестко редактировал свою революционную биографию. — Родина, 2017, № 6; *Wrzós K.* Pułkownik Józef Beck. Warszawa, 1939; *idem.* Secrets of Colonel Beck. London, 1939; *idem.* Giuseppe Beck, ministro degli affari esteri di Polonia. Roma, 1939.

Для окружения Пилсудского непререкаемым стало высказывание маршала о том, что Бек якобы «принадлежит к тем людям, которые появляются на свет с врожденным даром управления»³². Эта фраза стала для министра иностранных дел охранной грамотой и после кончины диктатора. Важно и то, что вплоть до 1938 г. Бек был не слишком публичным политиком, а вплоть до назначения на пост министра иностранных дел в 1932 г. и вовсе непубличным.

Польские газеты не поднимали шум вокруг перемен в личной жизни Бека, имевших для католической страны откровенно скандальный характер. Ближайший соратник Пилсудского в 1927 г. оставил свою первую жену Марию Викторину, урожденную Сломинскую, и перешел в кальвинизм, заключив новый брак с разведенной с генералом С. Бурхардт-Букацким энергичной дамой Ядвигой Сальковской, оставившей впоследствии мемуары «Как я была превосходительством»³³.

Пожую операцию выхода из лона католичества с целью выгодной женитьбы провел в 1899 г. Пилсудский, однако случай Бека был более сложным. Во-первых, Бек был крещен трижды: в 1896 г. в Варшаве в православие (его мать происходила из униатской семьи из Холма), в 1900 г. в Лиманове в католичество, а в 1927 г. в протестантство. Во-вторых, его единственный сын Анджей, руководивший в 1990-е годы Институтом Пилсудского в Нью-Йорке, родился 20 сентября 1926 г. Его отец ушел из семьи, когда мальчику не исполнилось и года. При этом Мария Викторина была, по отзывам современников, весьма эффектной дамой. Мемуарист В. Збышевский сравнивал супругов: «Бек прибыл со своей первой женой, которую звали Марыся: она была большой красавицей с пленительной улыбкой, полной прелести и обаяния. У нее были очень красивые ноги; тогда впервые в истории в моду вошли платья до колена. Помню как сегодня, что я не мог оторвать глаз от ее коленок. Бек был внушительного роста, но его нельзя было назвать симпатичным, приятным, любезным, благовоспитанным человеком. Зато он отличался большой самоуверенностью»³⁴.

Збышевский покинул МИД Польши в 1933 г. после нескольких лет работы в дипломатическом ведомстве. Иных свидетельств о Беке, опровергающих наблюдения этого автора, мемуаристика почти не содержит. Збышевский верно определил и страстно изучил недостатки уволившего его министра: «Он не был любим ни своими подчиненными, ни коллегами, ни в армии... Беку не доставало общей культуры, солидного образования; слишком молодым, слишком рано, слишком неподготовленным он сделался министром. Все это привело к тому, что он переоценивал не только свою роль и свое значение в мире, но также силы, значение и возможности Польши»³⁵.

Однако в условиях режима санации положительные качества Бека, ставшего в 1931 г. полковником, перевешивали в глазах Пилсудского возможные при его возвышении издержки. С 25 августа по 4 ноября 1930 г., когда в момент политического кризиса диктатор возложил обязанности премьера на себя, Бек в должности вице-премьера и министра без портфеля исполнял функции своего рода «смотрящего» за правительством. В 1936 г. в книге действующего премьера Ф. Славой-Складковского было приведено высказывание Пилсудского по адресу назначенных им министров: «Поскольку же полковник Бек будет координировать работу всех министров, замещая г-на Маршала, то Комендант (прозвище Пилсудского со времен Первой мировой войны. — Ю.Б., А.К.) спрашивает по очереди всех министров, соглашаются ли они на такое положение дел. Перед высказываниями министров г-н Маршал предупреждает, что в случае сопротивления кого бы то ни было Беку он наверняка выберет Бека, а не кого бы то ни было из министров»³⁶.

³² *Samuś P.* Op. cit., s. 15.

³³ *Beck J.* Kiedy byłam Eksceleńcją. Warszawa, 1990.

³⁴ *Zbyszewski W. A.* Gawędy o ludziach i czasach przedwojennych. Warszawa, 2000. — <http://dawidowicz.salon24.pl/420024,pilsudczykow>

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Ślawoj Składkowski F.* Strzępy meldunków. Warszawa, 1988, s. 99.

ПО ЗАВЕТАМ МАРШАЛА

В конце 1930 г. Пилсудский решил, что его ставленник должен отныне помогать ему руководить внешней политикой, проблемы которой в межвоенный период стояли перед Польшей неизменно остро и которыми глава режима санации, несмотря на наличие министра иностранных дел, привык заниматься единолично. И раньше маршал привлекал Бека к международным делам: в декабре 1927 г. они вместе совершили поездку в Женеву на заседание Совета Лиги Наций. С 1930 г. дипломатия стала единственным отведенным Беку государственным поприщем. Облачаться во фрак и надевать цилиндр дипломата доставляло ему явное удовольствие. О том, что внешняя политика для молодого государства — не только приятное занятие, но и тяжкий крест, молодой офицер особенно не задумывался.

6 декабря 1930 г. он был назначен заместителем министра иностранных дел, которым с 1926 г. являлся англофил А. Залеский. Для посторонних это выглядело как понижение в должности, но внимательный наблюдатель отмечал, что Бек постепенно забрал в свои руки бразды правления польской дипломатией. Советские аналитики в 1937 г. отмечали, что уже на посту заместителя министра «Бек производит основательную чистку польского дипломатического аппарата. При нем из министерства были удалены все неблагонадежные с точки зрения пилсудчины элементы, и кадры польской дипломатии были пополнены преимущественно военным элементом, в частности прошедшим через школу II-го отделения Генерального штаба. Постепенно Бек прибирает к рукам все отрасли работы министерства иностранных дел и, наконец, в ноябре 1932 г. вытесняет самого Залеского и сам занимает пост министра иностранных дел. С этого времени начинается новая эра во внешней политике Польши»³⁷.

Бек решительно взялся за порученное Пилсудским дело и уже в ранге заместителя министра (по тогдашней структуре МИД Польши он был единственным) стал непосредственным руководителем кадровой политики министерства. Он, не спрашивая мнения Залеского, выдвигал на ответственные должности своих людей, тесно связанных с II отделом Генерального штаба Войска Польского³⁸. Капитан В. Т. Дриммер занял ключевой пост директора кадрового департамента, главой Восточного отдела был назначен полковник Т. Шетцель, а консульский департамент ненадолго возглавил майор В. Енджеевич, на дочери которого после Второй мировой войны женился сын Бека.

Любимец Пилсудского еще при министре Залеском координировал польскую политику на восточном направлении. Пожалуй, самой сложной задачей, стоявшей перед Беком, являлось завершение переговоров с СССР и последующее заключение договора о ненападении. Ведение переговоров в 1931–1932 гг. в Москве было поручено польскому послу С. Патеку и директору Восточного отдела МИД Т. Шетцелю, однако происходило под руководством Бека³⁹. В своих воспоминаниях «Последний рапорт» Бек не без гордости писал: «Маршал Пилсудский, совершенно верно считая договор о ненападении скорее серьезной формой политической декларации, нежели юридическим инструментом, беспокоился лишь о сохранении определенных основных принципов поведения, чем о деталях текста... Когда, несмотря на согласование всех существенных принципов, редакция текста продолжалась еще слишком долго, я категорически потребовал от польских переговорщиков прекратить переговоры даже ценой отказа от различных юридических и редакционных подробностей»⁴⁰. Ответственное поручение Пилсудского было исполнено, и 25 июля 1932 г. договор с Советским Союзом был подписан.

³⁷ АВП РФ, ф. 122, оп. 19, п. 59, л. 12, л. 85.

³⁸ *Laroche J. Polska lat 1920–1935. Warszawa, 1966, s. 105.*

³⁹ *Ministerstwo Spraw Zagranicznych II Rzeczypospolitej. Organizacja, polityka, ministrowie. Warszawa, 2014, s. 297.*

⁴⁰ http://www.academia.edu/6285796/Jozef_Beck_-_Ostatni_raport

2 ноября 1932 г. 38-летний Бек стал министром иностранных дел. Кадровую перестановку Пилсудский объяснил так: «Нужен человек для трудных времен»⁴¹. Трудные времена продлились без малого семь лет министерства Бека. От ушедшего в отставку Залеского его принципиально отличали амбиции, бесцеремонность, кавалерийский натиск, размах, обидчивость, мстительность и, что самое главное, безграничная и фанатичная преданность Пилсудскому.

Важной переменной при новом министре стало назначение на должность заместителя министра Яна Шембека, который долгое время был послом в Бухаресте и был женат на сестре покойного к тому времени бывшего министра иностранных дел А. Сквиńskiego. Как и Бек, Шембек сохранял свой пост до сентября 1939 г. В число приближенных Бека в центральном аппарате МИД также входили С. Соколовский, Т. Кобылянский, Р. Дембицкий и М. Лубеньский. Среди руководителей дипломатических представительств в разных странах к самым близким сторонникам Бека относились Ю. Лукасевич, Е. Потоцкий, Э. Рачинский, Ю. Липский, В. Гжибовский и Б. Венява-Длугошовский⁴².

Статус главы МИД при Беке не изменился — все сколько-нибудь важные решения принимались исключительно с ведома Пилсудского. Первые сложности ждали полковника уже в начале его министерской карьеры. 11 декабря 1932 г. в Женеве был подписан договор пяти держав (Франция, Италия, Великобритания, Германия и США), который признавал за Берлином равноправие в сфере вооружений. 30 января 1933 г. канцлером Германии стал Гитлер, а уже 12 февраля он дал интервью британской газете, в котором назвал принадлежность Поморья Польше «преступной несправедливостью». На этот выпад Бек лаконично, но твердо ответил 15 февраля 1933 г. в своем выступлении на комиссии сейма по иностранным делам: «Наше отношение к Германии и к ее делам будет таким же, как отношение Германии к Польше»⁴³.

Военная мощь тогдашней Варшавы и относительная слабость Берлина еще позволяли высказываться в духе пословицы «что посеешь, то и пожнешь». Не найдя в Париже понимания своей идеи упреждающей нейтрализации возможной угрозы гитлеровской Германии, Пилсудский пошел на нормализацию отношений с Третьим рейхом. 2 мая 1933 г. посол Польши в Германии А. Высоцкий имел часовую встречу с Гитлером: нацистский вождь артикулировал желание Германии поддерживать с Польшей сугубо мирные и добрососедские отношения⁴⁴.

Назначенный 4 июля 1933 г. послом в Германии Ю. Липский продолжил переговоры, результатом которых стала подписанная 26 января 1934 г. польско-германская декларация о неприменении силы. В мире европейской дипломатии это событие вызвало немалое удивление. Пилсудский и Бек не в первый раз продемонстрировали французскому союзнику независимость польской внешней политики. Подписание декларации 1934 г. повлекло за собой окончание многолетней таможенной войны и временное снятие Берлином лозунгов немецкого ревизионизма.

В конечном счете, договоры с СССР и Германией стали столпами курса, который уже в то время получил название «политика равноудаленности» или «равновесия». Основная идея Пилсудского заключалась в неприемлемости сотрудничества с одним из могущественных соседей против другого, а также в воздержании от ситуаций, которые могли бы к этому привести. На практике «политика равноудаленности» основывалась на том, что польские правящие круги избегали участия Польши в многосторонних договорах.

Однако внимательный наблюдатель варшавской внешней политики замечал постепенное, но отчетливое смещение чаши весов в сторону Берлина. Например, Бек

⁴¹ *Kalbarczyk S.* Op. cit., s. 89.

⁴² *Ministerstwo Spraw Zagranicznych II Rzeczypospolitej. Organizacja, polityka, ministrowie*, s. 299.

⁴³ *Beck J.* *Przemówienia, deklaracje, wywiady: 1931–1937.* Warszawa, 1938, s. 58–59.

⁴⁴ *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne. 1933 rok.* Warszawa, 2015, s. 281–286.

неоднократно встречался с Гитлером, однако польский министр отказался встречаться с И. В. Сталиным, ограничившись беседами с В. М. Молотовым, М. И. Калининым и наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым во время своего единственного за все время визита в Москву в феврале 1934 г.

Новый курс не предполагал балансирования между Берлином и Москвой, в реальности не предусматривалось ни равноудаленности, ни равновесия. М. Корнат четко и ясно объясняет истинную сущность этой «политики Пилсудского—Бека»: «Ни Пилсудский, ни Бек не сформулировали никогда, как они понимают понятие равновесия, между прочим, ключевое для понимания польской политики. Бек это понятие слишком часто не употреблял. Впервые оно появилось в 1934 году, в обстоятельствах, связанных с визитом польского министра в Москву (13–15 февраля) и вошло в обиход. Оно всегда было скорее метафорой и никогда не стало уточненным определением. Понятие “равновесия” не является, однако, пустым лозунгом, как многократно писали критики польской политики. Оно, прежде всего, предполагало, что возрожденная Польша должна остаться государством, придерживающимся строгой нейтральности между своими великими соседями — и эта предпосылка была реализована, несмотря на то, что отношения с Германией в 1934–1938 гг. оставались хорошими, а польско-советские контакты характеризовало состояние своеобразной незаконченной “холодной войны”»⁴⁵.

С точки зрения тактики такая политика в первой половине 1930-х годов была вполне здоровой, но в качестве стратегии она никуда не годилась. По оценке российского историка Г. Ф. Матвеева, «Польша из сильного, равного Германии партнера с неизбежностью должна была превратиться в слабую сторону, у которой, учитывая глобальные проекты Гитлера, выбор бы ограничился двумя возможностями: подчиниться его воле или быть разгромленной»⁴⁶.

Уже в первые месяцы после подписания декларации с Берлином стали проявляться негативные последствия этого шага. Варшава торпедировала проект Восточного пакта, инициированный Москвой. Этот проект горячо поддерживал французский министр иностранных дел Л. Барту, однако, после заявления главы немецкой дипломатии К. фон Нейрата о неприемлемости схемы пакта для Германии, участие Варшавы в Восточном пакте наравне с СССР нарушило бы достигнутое равновесие. Эти действия Польши нанесли существенный ущерб польско-французскому союзу.

В 1934 г. окончательно обозначился отказ Польши от конструктивного сотрудничества с Чехословакией. Министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш в феврале 1933 г. и январе 1934 г. попытался установить более тесные отношения с Бекком, но глава польской дипломатии, верный установкам Пилсудского, на эти предложения не отреагировал; не состоялся и намеченный на весну 1933 г. визит Бека в Прагу⁴⁷.

ДИКТАТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

По-настоящему трудные времена для Бека настали со смертью Пилсудского 12 мая 1935 г., но Бек осознал это далеко не сразу. Министр иностранных дел был последним из польских политиков, кого диктатор принял перед смертью. Новая конфигурация санационной власти внешне была благоприятна для 40-летнего политика: он стал распоряжаться международными делами страны фактически единолично, в условиях, когда «после кончины Пилсудского у “санации” не осталось никого, кто разобрался в ее (внешней политики. — Ю.Б., А.К.) хитросплетениях и мог бы своим авторитетом

⁴⁵ Kornat M. Polska polityka zagraniczna 1932–1939. — Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej, 2009, № 12, s. 37.

⁴⁶ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012, с. 235.

⁴⁷ Kornat M. Wacław Grzybowski. Ambasador w Moskwie (1936–1939). Biografia polityczna. Warszawa, 2016, s. 57–59.

заставлять Бека вносить в нее необходимые коррективы»⁴⁸. Отставки Бека жаждали многие, в том числе и французские власти. Как показали дальнейшие события, это наверняка помогло бы ему сохранить доброе имя в политике. Но Бек был предельно честолюбив и убежденно стремился продолжить линию Пилсудского в международных делах.

Глава МИД Польши оказался в западне. Неоднократные попытки отправить его в отставку успеха не имели⁴⁹, но положение «диктатора внешней политики» оказалось сродни мучениям пловца со связанными ногами. Малейшее отклонение от стратегии Пилсудского грозило ему низвержением с политического олимпа, и польская дипломатия лишилась свободы маневра, строго необходимой для внешнеполитических форматов, тем более в постоянно меняющейся и взрывоопасной обстановке второй половины 1930-х годов.

Диктаторские полномочия Бека в сфере внешней политики, как доказали исследования последних лет, были реальностью. Централизация процессов принятия решений в польском МИД находилась на высоком уровне, многие решения обсуждались устно, поэтому историкам сегодня трудно выяснить механизмы их принятия — в частности, на советском направлении министр лично пытался распознать стратегию и тактику Москвы⁵⁰.

В таких условиях нарастало противоречие между великодержавной риторикой Польши, рассчитанной на собственное население, и тревожно сузившимся коридором реальных возможностей: продолжать линию Пилсудского можно было лишь с помощью нехитрых тактических приемов, которые современники сравнивали с сидением на двух стульях.

Испытанием для политики Бека стала ремилитаризация Германией 7 марта 1936 г. Рейнской области. Несмотря на то, что ситуация не требовала от Варшавы военного выступления против Берлина, так как эти обстоятельства не подпадали под польско-французскую военную конвенцию 1921 г., этим решением Германии был нанесен очередной существенный удар по престижу Парижа: немцы нарушили версальский запрет. Бек вызвал в себе французского посла Ноэля и заявил, что «в данном случае» Польша сохраняет верность своим союзническим обязательствам⁵¹. Однако уже через несколько дней Бек в коммюнике для агентства «Искра» заявил, что заключение договоров между Францией, Чехословакией и Советским Союзом вызвало естественную негативную реакцию Германии⁵².

Такое дихотомичное поведение было для Бека привычным, он старался избегать категоричных оценок и лавировать между сторонами. В данном случае Бек постарался не обидеть французского союзника и сохранить в отношениях с Германией верность «линии 26 января 1934 г.». Получилось не ахти как — американский историк Г. Робертс охарактеризовал подобную политику Варшавы уже не как сидение на двух стульях, а как невозможную физически «одновременную езду на двух лошадях»⁵³.

Во второй половине 1930-х годов польская дипломатия активно включилась в борьбу за влияние в Дунайском бассейне, стараясь осуществить амбициозную мечту обеспечить Варшаве статус великой державы, сферой влияния которой была бы Восточная Европа. Выражением этих планов стал сформулированный Беком в 1936—1937 гг. проект Интермариума (Междуморья), формально выходявший за рамки данных Беку заветов Пилсудского. Цель просматривалась здравая — защититься от влияния великих держав путем создания более или менее сплоченной группировки

⁴⁸ Польша в XX веке, с. 217.

⁴⁹ Kornat M. Niedosłże dymisje ministra Józefa Beka — ogłoszoki, dokumenty, interpretacje. — Polska bez Marszałka. Dylematy piłsudczyków po 1935 roku. Toruń, 2008, s. 320—327.

⁵⁰ Kornat M. Wacław Grzybowski, s. 81.

⁵¹ Noël L. Agresja Niemiecka na Polskę. Warszawa, 1966, s. 104.

⁵² Dziennik i teki Jana Szembeka, t. 2. Londyn, 1965, s. 404—405.

⁵³ Roberts H. L. Op. cit., p. 602.

государств Восточной Европы в составе Польши, Венгрии, Румынии с привлечением в нее Югославии⁵⁴.

Политическим патроном блока опрометчиво мыслилась Италия Муссолини. Глава польского МИД отчаянно пытался найти альтернативу ненавистной ему Франции. Как писал Цат-Мацкевич, «Бек сделался проитальянским потому, что был антифранцузским»⁵⁵. Проект Междуморья тем временем благополучно провалился: никто из запланированных союзников не выразил желания принимать участие в этой аванюре.

Главная проблема польской дипломатии и государственности в целом состояла в том, что при очевидном стремлении к великодержавности Варшава не обладала необходимыми для этого информационными ресурсами. Информация о двух самых опасных соседях Польши — Германии и СССР, которая после заключения советско-польского договора 1932 г. поступала в Варшаву как по линии МИД, так и по линии II отдела Генштаба, была совершенно неудовлетворительной для принятия серьезных внешнеполитических решений, способных хотя бы тактически скорректировать доставшийся Беку в наследство от Пилсудского курс.

Г. Ф. Матвеев справедливо отмечает, что «Бек явно недооценивал военную мощь Германии. Можно с большой долей уверенности предположить, что подобного мнения придерживались и другие высшие руководители Польши. А это значит, что из рук вон плохо работали военные атташе и польская разведка в целом»⁵⁶.

Точно так же, «из рук вон плохо», обстояло дело и на советском направлении. Ситуация для поляков, собственно, складывалась еще хуже — избранная Беком политика «холодной войны» с Москвой предполагала и воздержание от активной агентурной работы в Советском Союзе с целью избежать ненужных осложнений в отношениях. Именно в этом ключе стоит трактовать оценку известного российского историка спецслужб А. А. Здановича, согласно которой Бек не отличался «особой враждебностью по отношению к СССР»⁵⁷. Сведения о советских делах после 1932 г. поступали в Варшаву лишь от сотрудников польских дипмиссий и по линии Корпуса охраны пограничья. Картину дополняло внутреннее противоборство между ведомством Бека и ответственным за разведку на советской стороне руководителем референтуры «Восток» II отдела Е. Незбжицким, который называл МИД «гнездом снобов и дегенератов»⁵⁸.

В итоге «холодная война», начатая Варшавой против Москвы в одностороннем порядке, с польской стороны превратилась в ледяную стену незнания и непонимания процессов, происходивших в соседней стране. Разработки работавших в СССР и центральном аппарате МИД дипломатов и сотрудников спецслужб часто сводились к банальной аналитике по открытым источникам, ослаблявшейся ангажированными стереотипами в духе концепции «прометеизма», на которую активно делал ставку посол Польши в СССР в 1936–1939 гг. В. Гжибовский⁵⁹.

В условиях острой нехватки объективной информации обвинять в неудачах польской внешней политики конца 1930-х годов исключительно ее диктатора Бека вряд ли логично. Полковник на посту министра, лишенный привычной опеки Пилсудского, столкнулся с обстоятельствами непреодолимой силы. Он и не предполагал, что Сталин и Гитлер когда-нибудь сумеют найти точки соприкосновения. Лично услышав однажды заверения в «добрососедских намерениях» Гитлера и утверждения, что ослабление Польши якобы представляло угрозу для Третьего рейха со стороны СССР⁶⁰,

⁵⁴ Чарковский Р. «Интермариум»: польские интеграционные проекты и попытки их реализации в 1935–1938 годах. М., 2011.

⁵⁵ Мацкевич С. Указ. соч., с. 98.

⁵⁶ Польша в XX веке, с. 242.

⁵⁷ Зданович А. А. Указ. соч., с. 291.

⁵⁸ Ulatowski Ł. Niezbrzycki — wybrane aspekty biografii wywiadowczej kierownika Referatu «Wschód», s. 13. — <http://www.historycy.org/index.php?act=Attach&type=post&id=16066>

⁵⁹ Kornat M. Wacław Grzybowski, s. 80–81, 288.

⁶⁰ Zacharias M. J. Józef Beck i «polityka równowagi». — *Dzieje Najnowsze*, 1988, № 2, s. 13–14.

Бек верил этому вплоть до кризиса 1939 г., даже не допуская возможности войны с Германией. В этом было кардинальное отличие Бека от Пилсудского — маршал был гибким политиком и знал, что «хорошие польско-немецкие отношения будут длиться максимум четыре года»⁶¹, Бек же воспринимал существующую расстановку сил как константу и на основании этого строил свой внешнеполитический курс.

Отсутствие информации стало главной причиной стойкого неприятия Беком тех возможностей для улучшения двусторонних отношений, которые, как казалось советскому политическому руководству, оно создавало. В частности, скудных сведений о политических процессах в Москве 1937–1938 гг., которыми располагал Бек, было достаточно, чтобы сделать вывод о том, что СССР находится в состоянии хаоса, близок к распаду и в самое ближайшее время Москва перестанет играть значительную роль в мировой политике⁶².

В реальности длившаяся больше года польская операция НКВД (20 августа 1937–1 сентября 1938 г.), при всей трагичности ее итогов для советских поляков (только к расстрелу был приговорен 111 091 чел.)⁶³, для официальной Варшавы была на тот момент выгодна, равно как и роспуск в 1938 г. Коммунистической партии Польши, в том числе ее национальных отрядов на Западной Украине (КПЗУ) и в Западной Белоруссии (КПЗБ). Были репрессированы и ушли с политической сцены почти все польские коммунисты, сторонники включения Польши как республики в состав СССР. Как справедливо указал Г. Ф. Матвеев, «существование КПП, деятельность которой не только политически, но и материально поддерживалась Коминтерном, совершенно обоснованно отождествлявшимся с Кремлем, мешало подлинной нормализации отношений Варшавы с Москвой. Роспуск КПП мог эту проблему снять»⁶⁴. Но оценить новые возможности в польской дипломатии и спецслужбах оказалось некому.

КОНЕЦ ОДНОГО ВЕЛИЧИЯ

Вокруг Бека и других ключевых фигур польской внешней политики конца 1930-х годов до сих пор кипят страсти: выдвигаются версии об их «вербовке» или даже «шпионской деятельности». В частности, опубликованы показания, данные 17 августа 1945 г. советским спецслужбам генерал-лейтенантом люфтваффе А. Герстенбергом, с 1938 г. служившим авиационным атташе в Варшаве: «В 1938 году Геринг приезжал в Польшу, где охотился вместе с польским министром иностранных дел Беком. Во время этой охоты Геринг дал Беку чек на 300 000 марок, после чего Бек стал усиленно поддерживать дружбу с Германией... О том, что Бек был подкуплен Герингом, я узнал от германского посла в Польше Мольтке, который участвовал в охоте. В связи с этим Мольтке говорил, что Бек из наших рук не вырвется»⁶⁵.

Учитывая, что и польский министр, и германский посол Г. А. фон Мольтке к моменту дачи показаний были уже мертвы, достоверность этого свидетельства можно поставить под сомнение, тем более что Бек в реальности повел себя с немцами совершенно иначе. Впрочем, приезд Геринга в Польшу в феврале 1938 г. пришелся на время, когда Берлин был серьезно заинтересован в ассистентских услугах Варшавы в приближающемся кризисе вокруг Чехословакии. Финансовые операции такого рода

⁶¹ *Cienciala A. M.* The Foreign Policy of Józef Piłsudski and Józef Beck, 1926–1939: Misconceptions and Interpretations. — *The Polish Review*, v. LVI, 2011, № 1–2, p. 124.

⁶² *Ministerstwo Spraw Zagranicznych II Rzeczypospolitej. Organizacja, polityka, ministrowie*, s. 305.

⁶³ *Деннингхаус В.* В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР. М., 2011, с. 596–600.

⁶⁴ Польша в XX веке, с. 257.

⁶⁵ Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. М., 2011, с. 581.

для межвоенной польской дипломатии, надо полагать, были не в новинку. Вот характерное признание, которое сделал советнику полпреда СССР в Польше Б. Г. Подольскому румынский поверенный в делах Бабес: «В период, когда у Румынии не было отношений с СССР (до 1934 г. — Ю.Б., А.К.), Румынии довольно дорого обходился союз с Польшей, т.к. поляки все время играли на опасности, грозящей Румынии со стороны СССР. Иногда поляки создавали такое положение, когда румыны просто платили наличными деньгами за тот или иной шаг, который делался поляками, якобы предотвращающий опасность, грозившую румынам со стороны СССР. Эта «союзница» обходилась нам довольно дорого»⁶⁶.

Нельзя исключать того, что и немцы в 1938 г. воспользовались тем же нехитрым приемом, не предполагавшим никакой «вербовки» Бека. Те же денежные мотивы, как представляется, играли главную роль и в возможных контактах с советскими спецслужбами ближайших соратников Бека — начальника Восточного отдела МИД Т. Кобылянского и «серого кардинала» при министре В. Т. Дриммера. Опасения М. Корната, полагающего, что в случае обоснованности обвинений Кобылянского в агентурной деятельности в пользу Советов «следовало бы на польскую восточную политику 1935—1939 гг. взглянуть в новом свете»⁶⁷, не кажутся оправданными.

До августа 1939 г., когда по прямому распоряжению Сталина чекист А. З. Кобулов тайно доставил в Варшаву полученные в Госбанке СССР 500 тыс. злотых наличными⁶⁸, скорее всего продолжалась конспиративная игра, затеянная еще в 1920-е годы поляками из ОГПУ во главе с И. И. Сосновским (Добжинским), некогда служившими во II отделе польского Генштаба, со своими бывшими коллегами по ту сторону границы⁶⁹. Речь о банальном «предательстве» при этом не шла — всего лишь о взаимовыгодном и хорошо оплачиваемом обмене информацией; в Москву из Варшавы регулярно отсылались, в частности, сведения о будущих кадровых назначениях в польском МИД и другие данные, проливающие свет на реальную ситуацию во внешней политике, но никак не способные эту политику ослабить, изменить или подорвать⁷⁰.

Связь с Кобылянским и Дриммером не прервалась и после того, как Сосновский был репрессирован, а отправку значительной суммы в злотых за несколько дней до подписания германо-советских договоров 23 августа 1939 г. можно связать не только с выплатой накопившихся по этой линии еще в 1936—1937 гг. задолженностей, но и с активным участием Кобылянского и Дриммера в определении градуса польского вмешательства в чехословацкие дела в 1938 г. Для Сталина был объективно выгодным ход событий, при котором с расчленением Чехословакии исчезала возможность потенциально опасного для СССР польско-чехословацкого союза, а обстоятельства чехословацкого кризиса к тому же вызвали немедленное охлаждение отношений между Германией и Польшей. Впрочем, реальные действия польской дипломатии в 1938—1939 гг. по степени своего деструктивного воздействия на будущее своей страны превышали потенциальные возможности самых удачливых агентов иностранных разведок.

Бек с 1934 г. последовательно развивал античехословацкую политику, основываясь на давней обиде на Прагу, получившую в 1920 г. решением Антанты спорную

⁶⁶ АВП РФ, ф. 05, оп. 16, п. 121, д. 93, л. 43.

⁶⁷ Kornat M. Wacław Grzybowski, s. 80—81.

⁶⁸ Политбюро и дело Берия. Сб. документов. М., 2012, с. 728—729.

⁶⁹ Борисёнок Ю. Звонок товарища Сталина на полмиллиона. — Родина, 2016, № 9, с. 122—125.

⁷⁰ Секреты польской политики 1935—1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М., 2009, с. 33, 155, 176, 194. Москва получала именно оригиналы документов, и добывали их отнюдь не секретарши из МИД, как полагает, пытаясь защитить репутацию Кобылянского, польский историк К. Падушек. — *Paduszek K. Sprawa Tadeusza Kobylańskiego — stan badań, nowe dokumenty i hipotezy.* — *Dzieje Najnowsze*, 2015, № 3, s. 190—191.

территорию в Тешинской Силезии⁷¹. В воспоминаниях Бек гордился своим участием в расчленении ЧСР, которое соответствовало мнению Пилсудского, предсказывавшего такой ход развития событий: «Как известно, Маршал никогда не верил в жизнеспособность чехословацкого государства и уже в 1921 г. постоянно твердил, что есть два государства в Европе, которые не имеют шанса сохраниться, т.е. Австрия и Чехословакия. И как он тогда говорил, важно будет лишь знать, какое из них первым лопнет»⁷².

Великодержавные аппетиты Варшавы были проявлены осенью 1938 г. в самый опасный момент европейской и мировой истории. В итоге пророческая фраза Пилсудского об Австрии и Чехословакии с неумолимой логичностью дополнилась расширительным толкованием — за счет самой Польши.

Заранее подготовленное вмешательство Бека в дела ЧСР развивалось драматично. Весной 1938 г. польское руководство фактически поддержало аншлюс Австрии, заявив, что это — внутреннее дело Германии. Таким образом, Варшавой был дан импульс к переделу послевоенных границ. А к осени 1938 г. начала давать свои плоды подготовка к отторжению Тешинской Силезии от Чехословакии, проводимая уже несколько лет в координации с Венгрией и Германией: цель всех трех государств была едина, расчленить чехословацкое государство. 21 сентября 1938 г. Варшава предъявила Праге ультиматум, в котором требовала передать Польше Заользье (Тешинская Силезия). Польских представителей к большой обиде Бека не пригласили на Мюнхенскую конференцию 29–30 сентября 1938 г., но уже поздним вечером 30 сентября под ширмой защиты прав польского меньшинства властям ЧСР был предъявлен очередной ультиматум. 1 октября 1938 г. чехословацкие войска начали отходить от границы, и в районы, на которые претендовала Польша, были введены польские войска. Заользье стало польским, после чего вошло в состав Польши в качестве Западно-Тешинского повята. Так Варшава оказалась активным и, в отличие от Венгрии, нетерпеливым участником раздела чехословацкого государства.

Бек впервые в своей карьере стал публичной и почитаемой фигурой, почти национальным героем. Но проявленное при триумфе над поверженными чехословаками нетерпение привело к занятию крупного железнодорожного узла Богумин, на который одновременно претендовал и Гитлер.

Во Франции и Великобритании такое поведение Польши было воспринято с негодованием. В подобном курсе Варшавы, как и в ультиматуме Литве о принудительном установлении дипломатических отношений, который Польша в марте 1938 г. выдвинула одновременно с гитлеровским аншлюсом Австрии⁷³, в западной печати усматривали тесное сотрудничество Варшавы с Берлином.

В современной польской историографии существует мнение о том, что присоединением Заользья Бек пытался спасти местное польское население от гитлеровской агрессии⁷⁴. Однако данное предположение не выдерживает критики, так как ликвидация Чехословакии привела лишь к однозначному доминированию Германии в Восточной Европе. Способствуя такому развитию событий, Варшава так или иначе делала выбор в пользу Гитлера.

Но сам «диктатор внешней политики» в эйфории от выполнения поставленной еще Пилсудским задачи по унижению ЧСР отнюдь не склонен был становиться прогерманским. Цат-Мацкевич четко уловил особенность ситуации: «Бек не понимал,

⁷¹ Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения, 1933–1939. Что скрывалось за политической «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004; *его же*. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги: документы из личного архива И. В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939 гг.). М., 2017.

⁷² http://www.academia.edu/6285796/Jozef_Beck_-_Ostatni_raport

⁷³ Łossowski P. Ultimatum polskie do Litwy 17 marca 1938 roku: studium z dziejów dyplomacji. Warszawa, 2010.

⁷⁴ Ministerstwo Spraw Zagranicznych II Rzeczypospolitej. Organizacja, polityka, ministrowie, s. 309.

что сотрудничать с Гитлером можно только тогда, когда желаешь сопровождать его на войне... Не имея реальной мощи, Бек ее выдумывал, вел игру во внешней политике так, как будто располагал этой мощью»⁷⁵.

Конец величия Бека наступал стремительно и неминуемо. Эти события хорошо известны историкам и получили большой международный резонанс. 24 октября 1938 г. Риббентроп вызвал к себе польского посла Ю. Липского и потребовал согласия Варшавы на включение Данцига (Гданьска) в состав Германии и строительство через польское Поморье экстерриториальных автострасы и железной дороги в Восточную Пруссию. Взамен гитлеровцы предлагали продление договоренностей о неприменении силы на 25 лет. Бек отказал Гитлеру во время их последней встречи в Берхтесгадене 5 января 1939 г., однако Берлин настаивал на своих предложениях вплоть до марта 1939 г.

Отныне заветы Пилсудского были уже неисполнимы на практике. Принятие немецких предложений неизменно привело бы не только к увеличению аппетитов Гитлера, но и, в конечном счете, к полной зависимости Польши от Германии. В этой опаснейшей ситуации польские политики, дипломаты и спецслужбы оказались невосприимчивыми к колебанию военно-политической динамики, что самым губительным образом сказалось на судьбе страны. В апреле 1939 г. Бек поехал в Лондон и подписал с Великобританией соглашение о взаимных гарантиях, а 19 мая 1939 г. в Париже был подписан польско-французский протокол, предусматривавший не только военную помощь, но и возможное участие в боевых действиях. Информации о том, что в реальности, как это и произошло в сентябре 1939 г., западные союзники не будут активно выступать в защиту Польши, МИД и спецслужбы в Варшаве не получили.

Реакции Гитлера не пришлось долго ждать — 28 апреля 1939 г. была денонсирована польско-немецкая декларация о неприменении силы от 1934 г. На эти действия Бек ответил в своей патетической речи 5 мая в сейме: «Мы в Польше не знаем понятия мира любой ценой. Существует только одна вещь в жизни людей, народов и государств, которая бесценна. Это честь»⁷⁶. Польское общественное мнение отреагировало восторженно, даже политические противники Бека на этот раз были довольны.

Однако, несмотря на смелое выступление главы МИД, Варшава с катастрофической быстротой теряла свои позиции на международной арене. Происходило то, чего поляки боялись больше всего, — судьба их государства решалась без их участия. Когда летом 1939 г. велись вялотекущие франко-англо-советские переговоры, мнение Бека еще запрашивали, но по крайне чувствительной для него теме предусмотренного статутom Лиги Наций: прохода Красной Армии через польскую территорию. На все переговоры французов и британцев принять советскую помощь на таких условиях Бек отвечал решительным отказом, ссылаясь на «завещанную Пилсудским догму» и на пороге войны подозревая СССР в том, что «маршал Ворошилов пытается сейчас добиться мирным путем того, чего он хотел добиться силой оружия в 1920 г.»⁷⁷. Такая позиция Польши завела в тупик и без того нечетко выраженную попытку Лондона и Парижа договориться с Москвой.

В Варшаве грозящую катастрофу не ощущали абсолютно: «Из инструкции Бека дипломатическим представительствам от 22 августа пробивается, прежде всего, отсутствие чувства угрозы, но главным образом спокойствие»⁷⁸. Польский «диктатор внешней политики» по-прежнему не верил в то, что всего через 20 лет после окончания Первой мировой начнется еще одна война во всемирном масштабе.

Знаменательно, что после того, как 23 августа 1939 г. между СССР и Германией был подписан пакт о ненападении, польская дипломатия не получила от своих западных партнеров никакой информации о касающихся их страны договоренностях

⁷⁵ *Мацкевич С.* Указ. соч., с. 210.

⁷⁶ *Diariusz i teki Jana Szembeka*, t. 4. Londyn, 1972, s. 727–732.

⁷⁷ *Польша в XX веке*, с. 266–267.

⁷⁸ *Kornat M.* *Wacław Grzybowski*, s. 201.

секретного дополнительного протокола о разграничении сфер влияния в Европе; до Варшавы дошли лишь сведения о возможном вступлении Советского Союза в пределы стран Прибалтики. Внешняя политика Бека и в канун войны велась все так же вслепую. 26 августа 1939 г. Т. Кобылянский направил послу в СССР В. Гжибовскому инструкцию, в которой на основе информации польских посольств из европейских столиц подчеркивал «ограниченную ценность» советско-германского пакта. Беспечность того же свойства продолжала проявляться и с нападением Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. По категоричной оценке М. Корната, посол Гжибовский в своих донесениях из Москвы от 2–14 сентября 1939 г. «старался так интерпретировать все поступающие новости о советских приготовлениях к интервенции против Польши, чтобы сделать вывод, что такой угрозы в принципе нет»⁷⁹.

Трагические для Польши события августа – сентября 1939 г. подвели жирную черту под внешней политикой «Пилсудского – Бека». Амбициозные концепции, которые пытались реализовать в течение многих лет, потерпели полное и вполне закономерное фиаско. Из национального героя, которым Бек в глазах всей Польши стал после своей речи 5 мая 1939 г., он превратился едва ли не в главного виновника гибели польского государства.

Уже 5 сентября 1939 г. Бек покинул Варшаву. 17 сентября, когда Красная Армия вступила в границы Польши, он был интернирован в Румынии, но формально оставался на посту министра до 30 сентября 1939 г. В этот день вместе со всем кабинетом министров он ушел в отставку. В Румынии судьба его сложилась трагически. Все попытки уехать из страны оказались тщетными – этому препятствовали и немцы, и эмигрантское правительство Польши, руководимое генералом В. Сикорским.

В 1942 г. у Бека начался туберкулез в острой форме: последние два года жизни он даже вилки не мог поднять. Он скончался 5 июня 1944 г. в румынском местечке Станешты, не дожив и до 50 лет. Три дня спустя на кладбище Беллу в Бухаресте прошли похороны. Бек хотел быть погребенным в Польше. 21 мая 1991 г. его прах был перенесен на воинское кладбище Повонзки в Варшаве.

⁷⁹ Ibid., s. 206–207, 222.